

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ И ОДИН

Выдающийся театральный и киноактер Игорь Владимирович Ильинский — один из немногих деятелей нашего большого искусства, пришедший на телевидение хоть и сравнительно недавно, но всерьез и надолго. Работу на телевидении Игорь Владимирович считает равноценной и равноправной с его работой в Малом театре. Поэтому когда я, выполняя задание редакции, пришел к Ильинскому с просьбой рассказать о его будущих героях, то разговор наш, естественно, начался с нового телевизионного фильма, съемки которого в полном разгаре.

— Мои новые герои, — говорит Игорь Владимирович, — давно и хорошо известны. В новом фильме я буду исполнять двадцать четыре роли. Словом, ВСЕ роли. Среди них даже одна будет жен-

ской. А весь фильм — это экранизация семи рассказов А. П. Чехова: «Смерть чиновника», «Хамелеон», «Пересолил», «Ночь перед судом», «Сапоги», «Оратор» и «Дочь Альбиона». Ставим мы фильм вместе с режиссером Ю. Сааковым, с которым делали и «Старосветских помещиков».

— Принцип постановки тот же — чтение?

— Начинать я буду каждый рассказ с чтения. От имени автора. Затем чтение переходит в драматическое действие. Привычный кинематографический монтаж мы объединяем со специфично телевизионными средствами организации литературного материала. Некоторые из этих рассказов я много лет читаю с эстрады и, откровенно говоря, просто не знаю, добрую ли службу сослужит этот мой опыт будущему фильму или нет. Ведь чтец должен быть предельно лаконичным в отборе выразительных средств. Минимумом приемов он представляет свой персонаж — зато всю работу воображение зрителя. Здесь же я обязан перевоплотиться во

всех своих персонажей, обязан искать новые краски, новые приемы, новые средства актерской выразительности. Быть может, мне надо отказаться от старого опыта. Не знаю...

Игорь Владимирович показывает фотографии — пробы будущих ролей. Вот все они здесь, чеховские герои. Это всего лишь «мертвые» фотографии — даже не кадры будущего фильма, но и они настолько выразительны, что я с наивным восхищением неофита в который уже раз поражаюсь, кажется, беспредельным возможностям этого актера.

— Почему именно Чехов?

— Трудно ответить коротко. Подобные замыслы ведь не сразу реализуются — и ним идешь годы. Скажем так: увлекло разнообразие людей, типов, характеров, ситуаций. Мне, откровенно говоря, часто бывает очень больно за Чехова, когда я вижу, как играют его рассказы. Именно рассказы, а не пьесы — и ним у меня особое отношение. Передать серьезный юмор Чехова необыкновенно трудно, и, как

Персонажи И. Ильинского из рассказов «Сапоги» и «Хамелеон».

правило, это делается несколько грубовато. В то же время Чехова «осерезнивают», а юмор при этом ускользает. И ладно бы только юмор. Но когда чеховские рассказы ставят, как говорится, «в лоб», исчезает богатейшая нюансировка внутренней жизни героев, исчезают неповторимая авторская интонация, настроение его рассказов. Конечно, все это мне хотелось бы сохранить в фильме, сделать выпуклым, довести до зрителя. И, мне кажется, особые свойства телевидения помогут воплотить замысел.

— Игорь Владимирович, хотелось бы несколько подробнее об этих «особых свойствах телевидения»...

— В свое время критик В. Саппак точно определил одно из главных свойств телевидения, сказав, что это искусство искренности. Сплав предельной эмоциональности и виртуозной техники. На этом, конечно, заждится любое искусство, но нигде это не играет столь большой роли, как на телевидении. Телевизионный экран беспощаден к актеру. Малейшая несобранность, неподготовленность и тем более неискренность

— все то, что в театре или кино актеру удастся так или иначе скрыть, — на телевизионном экране мгновенно становится достоянием зрителя. Ни одно искусство не способно так выявить второй план, как искусство телевидения. И хорошо, если этот второй план — подтекст роли; если же на втором плане — неискренность, то это неудача.

Телевидение требует от нас, актеров, неведомой нам прежде шлифовки, отработки каждой роли. К сожалению, телевидение далеко не всегда предоставляет возможности для такой работы, очень еще там нечетко организуется труд. В результате получается, что и в театре, и в кино актер работает гораздо больше и серьезнее, чем на телевидении, хотя должно быть наоборот.

Искусство телевидения делает пока еще первые шаги, еще спорят вокруг, что телевизионно, а что — нет. Мне кажется, что телевизионно все талантливое и со временем голубой экран обязательно это подтвердит.

Д. ОСТРОВСКИЙ